

**А. А. Мидько, В. А. Розанов, Д. Вассерман, Е. Вассерман,
Т. Соколовский, В. В. Карака**

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

ФЕНОМЕН БЕЗНАДЁЖНОСТИ И МОТИВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ САМОПОВРЕЖДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ СУИЦИДАЛЬНЫЕ ПОПЫТКИ

Статья посвящена исследованию мотивационных аспектов самоповреждающего поведения («намеренности» суицидальной попытки (СП)) у суицидентов, переживающих феномен безнадёжности (ФБ). Оценивалась возможность предсказания степени тяжести суицидальной попытки (ТСП) на основе показателей, отражающих Меру Желания Смерти (МЖС) суицидента и субъективной Оценки Вероятности Смерти (ОВС) СП. Регрессионный анализ показал возможность предикции ТСП только на основе переменной ОВС в группе лиц, не обнаруживающих ФБ. В группе суицидентов, переживающих ФБ, предикция ТСП на основе указанных переменных оказалась невозможной. Полученные результаты обсуждаются с позиций возможного объяснения природы предиктивных свойств ФБ относительно различных форм суицидального поведения.

Ключевые слова: суицидальная попытка, суицид, тяжесть суицидальной попытки, мотивация, намеренность, феномен безнадёжности.

Суицидальное поведение относят к числу актуальных медико-психологических проблем. Одним из важных предикторов суицидальности является чувство безнадёжности, феноменологической сутью которого является переживание своего будущего как мрачного и бесперспективного. Предиктивные свойства феномена безнадёжности (ФБ) относительно различных форм суицидального поведения эмпирически обоснованы в многочисленных, в том числе и в проспективных, исследованиях [1,2]. Предложенные статистические модели в основном отражают клинические аспекты предиктивных свойств ФБ, описывая влияние переживания ФБ как черты (и/или психического состояния) на вероятность дальнейшей самоповреждающей активности. Влияние ФБ (как более мощного предиктора суицидальности, чем депрессия) на собственно интрапсихические, в том числе и мотивационные аспекты суицидальной «деятельности», изучено недостаточно, что, на наш взгляд, снижает ценность этого показателя в практике превенции и поственции суицидального поведения. Конечной целью данной работы была попытка увязать в рамках одной модели мотивационную сферу суицидентов с наличием ФБ, тяжестью совершенной попытки и на этой основе уточнить значение ФБ как показателя суицидальной опасности после совершенной попытки.

Анализ последних достижений и публикаций. В теоретическом плане надежду относят к одной из фундаментальных эмоций, связанных с мо-

тивационными процессами [3]. Сами эмоции некоторые авторы рассматривают как рудиментарные мотивационные системы [3]. Исследования показывают, с одной стороны, повышенную склонность суицидентов, обнаруживающих ФБ, к переживанию негативных эмоциональных состояний (высокий уровень нейротизма) [4,5], с другой—перманентную природу ФБ, схожую с природой личностной черты (наряду с компонентой «состояние») [6,7]. Кроме того, ранее мы сообщали о том, что у этой категории суицидентов наблюдается линейная связь между желанием смерти и субъективным прогнозом смертельного исхода СП [8], что указывает на большую субъективную вовлечённость в совершаемые СП и, вероятно, большую намеренность попыток.

Большинство теорий мотивации и «теорий действия» рассматривают этап образования *намерения к действию* как особый волевой акт, отличный от процесса формирования мотива как такового [3]. В этом смысле проблема соотношений между ФБ (состоянием, связанным с переживанием беспомощности), намеренностью СП (как волевым актом) и тяжестью совершаемых СП (как целевой составляющей действия) далека от разрешения, имеющиеся эмпирические данные достаточно противоречивы. В литературе описана связь между ФБ и намеренностью СП у взрослых [9], но таковая не зафиксирована у подростков [10]. С другой стороны, ФБ у подростков ассоциируется с более «рисковыми» формами поведения: склонностью к насилию и агрессии, употреблению наркотиков, большей вероятностью вовлечения в несчастные случаи [11], а оценка мотива своей суицидальной попытки как «желание смерти» у данной возрастной категории ассоциируется с более глубоким уровнем безнадежности [12].

Традиционно в суицидологии степень летальности СП и сама типология суицидального поведения (категории «истинных» суицидов, «демонстративно-шантажных» СП, парасуицидов и т. п.) до некоторой степени понимается как функция соотношения «мотив/цель» [13,14]. Важным аспектом при этом является «психологический смысл» суицида [15], т.е. «чего хотел добиться пациент своими действиями». В клинко-феноменологическом аспекте такой подход фокусирует внимание на понятии «намеренности» СП. Как указывает В. С. Ефремов, «основной критерий выделения самоубийства из всех аутоагрессивных действий — наличие *намерения* (курсив наш) прекращения жизни» [16]. Кроме того, в современной суицидологии предложены и иные основания интрапсихического порядка для «выделения суицида из всех аутоагрессивных действий». В интерперсонально-психологической теории суицидальности Joiner [17, 18, 19, 20] в качестве условия намеренности любой СП предлагается считать некое константное, тесно связанное с переживанием ФБ, желание смерти, а в качестве основания для выделения «высокоинтенциональных» форм суицидального поведения, ведущих к завершённому суициду, предлагается конструкт «нажитая способность к суициду» («acquired capability»), отражающий не столько степень «желания смерти», сколько степень сформированности специфического «суицидального праксиса» [21].

Неясна до конца и связь между намеренностью попытки и её летальностью. Одни исследования показывают наличие некоторой связи между этими переменными [22], другие — отсутствие такой связи [23,24].

Все изложенные выше соображения фактически увязывают проблему намеренности и безнадёжности с неразрешенной суицидологической проблемой «выделения» истинного суицида из саморазрушающего континуума в аспекте предикции смертельного исхода.

Цели исследования. Целью настоящего исследования явилось изучение связи между ТСП и субъективно-переживаемыми особенностями СП—МЖС и ОВС в результате СП. Переменные МЖС и ОВС представляли собой вербальные конструкты, отражающие мотивационную сторону суицидальной деятельности, а именно — аспекты намеренности суицидальной попытки. Основная гипотеза формулировалась следующим образом: ФБ, с одной стороны, связан с «долгосрочной» суицидальной мотивацией, что подчеркивает предиктивные свойства ФБ в плане истинного суицида, с другой — с особенностями субъективной вовлечённости в суицидальную «деятельность», влияющими на тяжесть суицидальных попыток. Влияние этих факторов на тяжесть СП рассматривается в данном исследовании и как вероятностная модель, описывающая различия между суицидальной попыткой и успешным суицидом¹. С нашей точки зрения, понимание этих аспектов мотивационной сферы суицидентов с ФБ могло бы помочь глубже понять природу предиктивных свойств ФБ (по крайней мере, относительно вероятности наиболее тяжких форм саморазрушающего поведения), что позволит внести определённый вклад в улучшение суицидальной превенции.

Основной материал и результаты исследования. Из базы данных лиц, совершивших суицидальные попытки (СП)², была отобрана группа суицидентов численностью 663 человека (данная группа состояла из пациентов стационаров и амбулаторных учреждений города Одесса и других городов Украины в возрасте от 18 до 78 лет). Критерием исключения было наличие сопутствующего психотического расстройства или интеллектуального снижения различного происхождения. Из числа мужчин в группу вошли 335 человек (50,5 %), из числа женщин — 328 (49,5 %). Средний возраст мужчин составил $24,85 \pm 7,25$ лет, женщин $24,85 \pm 7,99$.

В соответствии с целями исследования группа суицидентов была протестирована при помощи Шкалы безнадёжности Бека (в модифицированном А. — М. Aish и D. Wasserman варианте [27]) и по итогам тестирования разбита на две подгруппы в соответствии с наличием или отсутствием ФБ. В первую группу лиц, обнаруживающих ФБ, вошли 230 человек,

¹ Вопрос о соотношении таких явлений, как СП и завершённый суицид, весьма сложен, однако некоторые работы показывают, что популяции людей, демонстрирующие эти поведенческие феномены, являются частично «перекрывающимися» [25]. Кроме того, эпидемиологические исследования говорят о том, что значительный процент лиц, совершивших СП, покончат с собой в течение года после совершения СП [26].

² Данные, использованные в работе, получены при выполнении совместного шведско-украинского исследовательского проекта ГИСС «Генетическое исследование суицида и суицидальных попыток» (рук. — проф. Д. Вассерман, проф. В. А. Розанов, при финансовой поддержке Wallenberg Foundation).

из них мужчины — 124 человека (53,9 %), женщины— 106 человек (46,1 %). Средний возраст мужчин и женщин в этой группе соответственно 25,22 ±8,5 и 27,08±8,96 года. Во вторую группу, не обнаруживающих ФБ, вошли 433 человека, распределение по половому признаку в этой группе оказалось следующим: 222 мужчины и 211 женщин. Средний возраст мужчин составил 24,64±6,42, женщин—25,38±7,45. Степень тяжести (летальности) СП оценивалась в соответствии с 8-балльной «Медицинской шкалой самоповреждений» (0 баллов без последствий, 8 баллов—летальный исход). В базе данных содержались сведения о лицах, совершивших попытки, оцениваемые в 2 балла и более (2 балла подразумевают наличие лёгких, но клинически отчётливых медицинских последствий).

В исследованной выборке суициденты распределились по степени тяжести СП следующим образом: 02 –165 чел., 03 –242 чел., 04 –169 чел., 05 –64 чел, 06 –18 чел, 07–5 чел. Средняя тяжесть суицидальной попытки 3,31±1,08, с учётом наличия/отсутствия ФБ у испытуемых 3,25±1,01 и 3,34±1,11 соответственно. Из них 329 совершили попытки путем самоотравления, 52 — самоповешением, 9 — самоутоплением, 5 — посредством огнестрельного оружия, 1 — огнем, дымом, 2 — паром, 210 — самоповреждением острыми предметами, 3 — тупыми предметами, 35 — путем падения с высоты, 7 — падением под движущийся объект, 3 — путем провоцирования аварии, 7 — другими способами. Количественное соотношение между методами попыток в выборке было близким к наблюдаемому в общей популяции в г. Одессе в ходе многолетних наблюдений [28]. Обследование респондентов проводилось в стационаре, с учётом соматического и психологического состояния, обычно на 3–5 день после совершённой попытки, либо в домашних условиях или в ситуации психологического консультирования непосредственно после выписки из стационара.

В настоящей работе тяжесть совершённой СП рассматривалась как компонент предиктивной модели, использующей вербальные конструкты, отражающие меру желаний смерти (МЖС) и оценки вероятности смерти (ОВС), содержащиеся в структурированном интервью проекта ГИСС как обязательные вопросы.

Первый конструкт отражает меру желаний смерти суицидентом (МЖС) перед совершением СП и формулируется следующим образом: *«Каковы были Ваши чувства в отношении жизни и смерти? Вам хотелось остаться в живых сильнее, чем умереть? Было ли Вам безразлично, останетесь ли Вы в живых или умрете?»*, соответственно предлагались три варианта ответа: *«1 = Не хотел умереть; 2 = Были безразличны к тому, останетесь ли в живых или умрете; 3 = Хотел умереть»*. Вторым конструктом отражает прогнозируемый самим суицидентом исход СП, Оценку Вероятности Смерти (ОВС) в результате суицидальных действий и определяется вопросом: *«Насколько вероятным казался Вам смертельный исход в результате задуманного действия?»*. Соответственно предлагались три варианта ответов: *«1 = Считал, что наступление смерти маловероятно, или не думал об этом; 2 = Считал, что смерть возможна, но маловероятна; 3 = Считал, что наступление смерти является вероятным или обязательным»*. Кро-

ме того, исследовался конструкт, отражающий оценку суицидентом целевой направленности (мотива) своего аутоагрессивного поступка: «Можете ли Вы мне сказать, чего надеялись добиться самоповреждением?» Предлагались четыре варианта ответа: «1=Это был крик о помощи; 2=Временного отдыха; 3=Смерти; 4=Других результатов (уточнить)». Дополнительно каждый испытуемый оценивался по шкале депрессии Бека [29].

Первые два исследуемых конструкта использовались в регрессионных моделях в качестве независимых переменных (зависимая переменная — ТСП), использовался метод категориальной регрессии. Такие модели строились отдельно для группы суицидентов, обнаруживающих ФБ, и для группы без такового. Кроме того, для каждой группы дополнительно строились модели, учитывающие влияние таких переменных, как пол, возраст и уровень депрессии. Зависимая переменная рассматривалась как условно метрическая, независимые — как порядковые. Контролируемые переменные: возраст и индекс депрессии Бека входили в модель как метрические переменные, пол — как номинативная переменная.

Кроме того, проводилось сравнение исследуемых групп (критерий У Манна — Уитни) по уровням выраженности переменных ТСП, ОВС, МЖС и ИДБ (Индекс Депрессии Бека).

Статистическая обработка полученных данных проводилась с использованием пакета статистических программ SPSS 13.0.

Рассмотрим вначале средние значения исследованных переменных с учетом гендерного фактора и наличия ФБ.

Как видно из данных в таблице 1, группы не имеют различий по уровню выраженности переменной ТСП ($p > 0,05$); различия в уровне значений переменных МЖС и ОВС наблюдаются только у мужчин ($p < 0,05$). Различия в уровнях переменной ИДБ статистически значимы в обеих группах ($p < 0,001$), что соответствует литературным данным [30].

Данные, представленные в таблице 2, отражают степень сопряженности мотива смерти и ФБ в женской и мужской выборках. В обеих выборках мотив смерти статистически значимо связан с ФБ ($p < 0,05$).

В таблице 3 представлены значимые коэффициенты регрессии (КР) для регрессионных уравнений, описывающих предикцию ТСП по переменным ОВС и МЖС; модели «А» и «С» построены без учёта контролирующих переменных, модели «В» и «D» построены в условиях контроля переменных пол, возраст и глубина депрессии (переменная ИДБ). Модели «А» и «В» описывают регрессию для групп без ФБ, модели «С» и «D» — для групп, обнаруживающих ФБ. В этих таблицах представлены собственные значения стандартизированных коэффициентов регрессии (β) и стандартные ошибки последних для каждой независимой переменной, а также уровень статистической значимости (p) для каждого коэффициента (критерий t Стьюдента).

В таблице 4 представлены параметры полученных моделей: коэффициенты детерминации, отражающие долю дисперсии зависимой переменной (ТСП), объясняемую дисперсией независимых переменных (ОВС и МЖС), а также уровень статистической значимости (p) полученной модели (критерий F Фишера).

Таблица 1

Сравнение средних для групп суицидентов с ФБ и без такового

	Мужчины				Женщины			
	Средние значения для переменных		Критерий U Манна-Уитни	Уровень статистической значимости, р	Средние значения для переменных		Критерий U Манна-Уитни	Уровень статистической значимости, р
	С ФБ	Без ФБ			С ФБ	Без ФБ		
ТСП	3,29+1,07	3,26+1,13	12661,5	0,608	3,21+0,09	3,42+1,09	10534,0	0,109
МЖС	2,43+0,64	2,05+0,76	9093,0	<0,001	2,26+0,72	2,12+0,72	10336,0	0,110
ОВС	2,16+0,86	1,88+0,83	10019,0	0,005	2,06+0,83	1,90+0,82	10185,0	0,116
ИДБ	24,27+12,48	12,54+10,56	6056,5	<0,001	24,70+11,22	14,45+10,75	5782,0	<0,001

Таблица 2

Оценка сопряжённости ФБ и ответа «хотел умереть» в вербальном конструкте «Мотив самоубийства», для мужчин и женщин, критерий χ^2 Пирсона.

Пол	Собственное значение критерия χ^2 Пирсона	Уровень статистической значимости, р
Мужчины	13,367	0,001
Женщины	11,390	0,006

Таблица 3

Коэффициенты регрессии

Модель	Переменная	Стандартизованные коэффициенты регрессии		Критерий Стьюдента	
		собственное значение (β)	стандартная ошибка	собственное значение (t)	р
«А»	ОВС	0,095	0,057	1,654	0,099
	МЖС	0,104	0,057	1,813	0,070
«В»	ОВС	0,141	0,060	2,297	0,022
	МЖС	0,097	0,063	1,572	0,117
«С»	ОВС	0,073	0,069	1,062	0,289
	МЖС	0,081	0,069	1,168	0,244
«D»	ОВС	0,075	0,069	1,053	0,293
	МЖС	0,027	0,073	0,377	0,707

Таблица 4

Параметры моделей

Модель	Коэффициенты детерминации		Дисперсионный анализ	
	R ²	скорректированный R ²	F	р
«А»	0,030	0,025	6,419	0,002
«В»	0,045	0,041	9,281	<0,001
«С»	0,015	0,007	1,143	0,177
«D»	0,008	-0,001	0,880	0,418

Как видно из представленных данных, КР регрессионных уравнений для модели «А» имеют уровень статистической значимости на уровне тенденции: $p=0,099$ для переменной ОВС и $p=0,070$ для переменной МЖС (см. таблицу 3). Уровень значимости модели приемлемый ($p=0,002$) (см. таблицу 4). Как видно из таблицы 2, единственным статистически значимым КР модели «В», описывающей исследуемую регрессию в той же группе суицидентов (без ФБ), но в условиях контроля переменных возраст, пол и уровень депрессии, оказался таковой для переменной ОВС ($\beta=0,141$, $p=0,022$). Уровень статистической значимости модели увеличился на порядок по сравнению с моделью «А» ($p<0,001$). Учёт вклада этой переменной позволил исключить сомнения в опосредовании результата её влиянием. На наш взгляд, учёт влияния переменных «пол» и «возраст» в полученных моделях позволяет сделать вывод об универсальности обнаруженных закономерностей для различных возрастных и гендерных групп¹.

¹ Контролируемые переменные вводились в модели поочерёдно и принципиальных различий в полученных моделях нами обнаружено не было. Промежуточные модели не приводятся в целях экономии места.

Коэффициент детерминации этой модели равен 0,041, это означает, что дисперсия переменной ОВС объясняет 4,1 % дисперсии ТСП. Небольшое значение коэффициента детерминации в модели «В» объясняется, вероятно, тем, что тяжесть СП зависит не только от сознательных (или осознаваемых) действий индивида, но и от множества причин как случайного, так и/или биологического характера. В этом смысле индивидуальные особенности в чувствительности к токсическим агентам или скорости их метаболизма (в данной выборке количество таких СП довольно велико) вполне могут оказаться намного более важными в аспекте предикции ТСП, если рассматривать оценку такой связи как основную цель исследования (аналогичные аспекты вполне могут быть значимыми и при использовании иных способов самоубийства), однако целью настоящего исследования была оценка самой возможности предикции ТСП на основе указанных переменных.

КР для модели «С», описывающей регрессию для группы суицидентов, обнаруживающих ФБ, оказались статистически незначимыми: $p=0,289$ и $p=0,244$ для переменных ОВС и МЖС соответственно (см. таблицу 3). Уровень статистической значимости самой модели также оказался низким ($p=0,177$), а коэффициент детерминации—незначительным по величине: $R^2=0,007$ (см. таблицу 4). Учёт влияния переменных пол, возраст и ИДБ в модели для группы с ФБ (модель «D») лишь ухудшил статистическую значимость и модели в целом, и коэффициентов β : статистическая значимость значительно уменьшилась ($p=0,418$), значимость КР регрессионного уравнения (и без того низкая) также значительно уменьшилась ($p=0,293$ и $p=0,707$ для переменных ОВС и МЖС соответственно (см. таблицы 3 и 4). Это говорит о том, что обнаруженные закономерности связаны именно с переживанием ФБ, а не отражают «сглаживание» различий глубиной депрессии или поло-возрастными особенностями.

Различия между моделями «В» и «D» в общепсихологическом смысле можно отчасти рассматривать как указание на различия в природе мотивационных процессов в этих группах. Во-первых, в группе с ФБ *мотив поведения*, связанный с желанием смерти, намного сильнее связан с *целью поведения* по сравнению с группой без ФБ (см. таблицу 2). В общепсихологическом дискурсе внутренняя (интринсивная) мотивация чаще всего рассматривается как свойственная такому поведению, которое является ценным *per se* либо в случае, если оно (поведение) разворачивается для достижения связанных с мотивом целей [3], «а не просто как средства достижения инородной по отношению к такому поведению цели» (цит. по [3]). Во-вторых, значимость переменной ОВС в предикции ТСП в группе «небезнадёжных» суицидентов может указывать на большой «удельный вес» внешнемотивированного (инструментального) поведения в этой группе. Внешнемотивированное поведение в соответствующих теориях, например в теории Дж. Аткинсона [31], определяется действием двух сил: 1) важностью для субъекта данного результата, его аффективная привлекательность («валентность»); 2) его субъективной достижимостью, т.е. уверенностью в реальности связи между своими усилиями и результатом поведения («ожидание/инструментальность»). Само по себе желание смер-

ти (т.е. степень «валентности») не имеет практически никакой ценности в отношении предикции тяжести попытки (см. таблицу 3), что согласуется с литературными данными о значимости именно измерения «планирование попытки» в предикции как прошлых попыток, так и будущего успешного суицида [32]. Любое поведение является полимотивированным [3], суицидальное поведение в этом смысле вряд ли является исключением, полученные результаты скорее отражают соотношения между различными мотивационными механизмами в исследуемых группах.

Модель «D» может действительно отражать специфические особенности поведения, имеющего внутреннюю мотивацию: ни желание смерти, ни оценка «достижимости» смерти не влияют на степень тяжести акта самоповреждения у субъектов этой деятельности в силу «привлекательности» самой деятельности (совпадение целевой направленности поведения и мотива). Один из вариантов такого поведения (точнее переживания своих действий), т.н. «опыт потока», может, на наш взгляд, иметь отношение к рассматриваемому варианту суицидальности.

Опыт «потока» в литературе понимается как специфическое состояние поглощённости деятельностью, в котором операциональная сторона деятельности приобретает самостоятельное значение и развёртывается в соответствии со своей *внутренней логикой*, а цели, преследуемые субъектом, теряют в рамках системы осознаваемых ценностей своё значение. Опыт потока и радость от его переживания в какой-либо деятельности способствует возникновению стремления к переживанию этого опыта и в дальнейшем [33]. Такого рода «оптимальный опыт» связывают с процессами селекции поступающей из внешней среды информации — отбираются лишь те стимулы из числа максимально сложных, которые наилучшим образом соответствуют имеющимся у субъекта возможностям. Опыт потока характеризуется полным вовлечением в деятельность [34], требующую высокого уровня личных навыков, слиянием действия и осознания, потерей рефлексивного самосознания, чувством контроля и искажением переживания времени [35]. Известно также, что «опыт потока» плохо совместим с долгосрочными стратегиями деятельности, а схожие с «опытом потока» переживания обнаруживаются у молодых людей в случаях антисоциального поведения [36,37], у людей склонных к рисковому поведению [38], а также в случаях «химической» зависимости [36]. Предположение о наличии «потокоподобных» переживаний у суицидентов, переживающих ФБ, имеет в качестве следствия как потенциальные ответы на некоторые вопросы, так и постановку новых вопросов. Во-первых, становятся понятными предиктивные свойства ФБ как в отношении СП, так и в отношении успешных суицидов — сама по себе «суицидальная деятельность» в условиях субъективной редукции возможностей (в силу переживания ФБ) может поддерживать дальнейшую мотивацию к самоповреждающей активности. Во-вторых, получает возможное объяснение отсутствие статистически значимых различий в ТСП в исследуемых группах (см. таблицу 1): ФБ скорее связан с мотивацией к «суицидальной деятельности», имеющей собственную «валентность» для суицидента, но не с мотивацией к смерти

как таковой. В этом смысле интересным является вопрос об особенностях смысловой сферы таких людей как носителей мотива «смерти». Общий «смысл» и специфичность «суицидальной деятельности» у таких людей по сути остается неясными: служит ли СП для них неким компенсаторным явлением или СП является лишь частным проявлением удовлетворения потребности в «потокоподобных» переживаниях.

Кроме того, такая важнейшая характеристика «опыта потока», как соответствие требований ситуации наличным навыкам и умениям субъекта [35], может быть рассмотрена как аналог «нажитой» способности к суициду в теории Joiner. В этом смысле переживание ФБ может означать значительную степень редукции «горизонта возможностей» субъекта, оставляющую ему лишь небольшой спектр возможностей переживания «оптимального опыта». Внимательное чтение классической работы Э. Шнейдмана «Душа самоубийцы» также наводит на мысль о сходстве описываемых автором общих черт самоубийства с «опытом потока» (постулат о соответствии суицидального поведения общему жизненному стилю суицидента [39]). Слияние действия и осознания в таком «опыте потока» заставляет вспомнить и об «абсолютном действии» — определении суицида, данном Карлом Ясперсом в его известной работе «Необусловленные действия, ведущие за пределы наличного бытия» [40]. Тем не менее, предположение о сходстве «опыта потока» и суицидального поведения, опираясь лишь на косвенные данные, носит гипотетический характер и требует эмпирической проверки.

Если рассматривать переменные ОВС и МЖС как части конструкта «намеренность», то полученные результаты, на наш взгляд, носят черты парадоксальности: параметры намеренности (переменная ОВС) не связан, с ТСП в группе суицидентов-носителей предиктора будущего суицида (т.е. «сверхтяжёлой» суицидальной попытки)—ФБ. Конструкт «намеренность», видимо, имеет несколько аспектов, что отражено, например, в инструменте А. Бека для её измерения—Шкале Суицидальной Интенции (SIS) [41]. Учитывая этот момент, можно предположить различия в самой структуре «намеренности» СП, совершаемых суицидентами сравниваемых групп, однако эта проблема требует дальнейших исследований.

Однако предположение о том, что тяжёлые СП есть некий аналог завершённого суицида, позволяет посмотреть на результаты исследования с другой точки зрения: субъективный прогноз тяжести СП (переменная ОВС) предсказывает различия в летальности таких форм суицидального поведения, как СП и завершённый суицид, только в случае отсутствия ФБ. Другими словами, переживание ФБ означает, что различия в вероятности совершения СП и завершённого суицида, возможно, не будут связаны со степенью «субъективной включённости» в суицидальное поведение, в отличие о группы суицидентов без ФБ, для которой такой параметр, как ОВС, оказывается предиктором тяжести попытки и тем самым—предиктором успешного суицида. С другой стороны, такой подход не учитывает влияния выбранного метода СП. Действительно, исследования показывают отсутствие влияния степени выраженности суицидальной интенции на объективно оцениваемую степень тяжести попытки, с ней связан только метод

суицида (который принято трактовать либо как насильственный (violent) и ненасильственный (non-violent)) [24]. Таким образом, именно метод суицида, точнее его агрессивная суть может оказаться более ценным основанием для описания различий между формами суицидальности и прояснить вопрос о континуальности/дисконтинуальности различных форм суицидального поведения. Этот вопрос выходит за рамки рассматриваемых проблем в данной статье, однако может оказаться интересным направлением дальнейших исследований.

Выводы. Результаты, полученные в данном исследовании, позволяют сделать вывод о том, что суицидальное поведение у лиц, переживающих ФБ, характеризуется некоторыми особенностями мотивационной сферы, не влияющими на тяжесть текущей СП, но, возможно, влияющими на вероятность повторных суицидальных попыток и завершённого суицида. Перспективным направлением дальнейшей работы, на наш взгляд, могут оказаться исследования, сфокусированные на смысловой сфере личности, семантике сознания и склонности к переживанию «опыта потока» суицидентами, обнаруживающими ФБ, а также исследования, учитывающие иные основания оценки степени серьёзности СП — степень агрессивности (насильственности) использованного метода самоповреждения.

Литература

1. Kuo W., Gallo J., Eaton W. Hopelessness, depression, substance disorder, and suicidality--a 13-year community-based study // *Soc Psychiatry Psychiatr Epidemiol.* — 2004. — Vol.39. — Iss.6. — P. 497–501
2. Goldston D. B., Daniel S. S., Reboussin B. A., Reboussin D. M., Frazie P. H., Harris A. E. // *Cognitive Risk Factors and Suicide Attempts Among Formerly Hospitalized Adolescents: A Prospective Naturalistic Study* M. A. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry.* — 2001. — Vol. 40. — Iss. 1. — P. 91–99
3. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. — 2-е изд. — СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. — 860 с.
4. Velting D. M. Personality and negative expectancies: Trait structure of the Beck Hopelessness Scale // *Personality and Individual Differences.* — 1999. — Vol. 26. — P. 913–921
5. Мидько А. А. Феномен безнадежности у суицидентов как типологическая личностная категория: возрастной аспект // *Вісник Одеського національного університету. Психологія.* — 2010. — Т. 5. — Вып. 4. — С. 18–23
6. Valtonen H. M., Suominen K., Haukka J., Mantere O., Arvilommi O., Leppamaki S., Isometsa E. Hopelessness across phases of bipolar I or II disorder: A prospective study // *Journal of Affective Disorders.* — 2009. — Vol.115. — Iss.1–2. — P.11–17
7. Goldston D. B., Reboussin B. A., Daniel S. S. Predictors of Suicide Attempts: State and Trait Components // *Journal of Abnormal Psychology.* — 2006. — Vol.115. — Iss.4. — P.842–849
8. Мидько А. А., Розанов В. А., Вассерман Д., Вассерман Е., Соколовский М. Связь между переживанием безнадежности, желанием умереть и ожиданием вероятности смерти у лиц, совершающих суицидальные попытки // *Журнал практикующего психолога.* — 2010. — № 17. — С. 107–123
9. Chandrasekaran R., Gnanaselane J. Correlates of Suicidal Intent in Attempted Suicide // *Hong Kong J Psychiatry.* — 2005. — Vol.15—Iss.4. — P. 118–121
10. Rotheram-Borus M. J., Trautman P. D. Depression, and Suicidal Intent among Adolescent Suicide Attempters // *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry.* — 1988. — Vol.27. — Iss.6. — P.700–704

11. Bolland J. M. Hopelessness and risk behaviour among adolescents living in high-poverty inner-city neighbourhoods // *Journal of Adolescence*. — 2003. — Vol. 26. — Iss. 2. — P. 145–158
12. Boergers J., Spirito A., Donaldson D. Reasons for Adolescent Suicide Attempts: Associations With Psychological Functioning // *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*. — 1998. — Vol. 37. — Iss. 12. — P. 1287–1293
13. Амбрумова А. Г., Бородин С. В. Суицидологические исследования в СССР: состояние и проблемы // *Актуальные проблемы суицидологии*. М., 1981. С. 6–25
14. Тихоненко В. А. Классификация суицидальных проявлений // *Актуальные проблемы суицидологии*. М., 1978. С. 59–73
15. Конончук Н. В. О психологическом смысле суицидов // *Психологический журнал*. — 1989. — Т. 10. — № 5. — С. 95–102
16. Ефремов В. С. Основы суицидологии. — СПб.: «Издательство «Диалект», 2004. — 480 с.
17. Van Orden K. A., Witte T. K., Cukrowicz K. C., Braithwaite S. R., Selby E. A., Joiner T. E. Jr. The Interpersonal Theory of Suicide // *Psychological Review*. — 2010. — Vol. 117. — Iss. 2. — P. 575–600
18. Van Orden K. A., Witte T. K., Gordon K. H., Bender T. W., Joiner T. E. Jr. Suicidal Desire and the Capability for Suicide: Tests of the Interpersonal–Psychological Theory of Suicidal Behavior Among Adults // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. — 2008. — Vol. 76—Iss. 1, February, Pages 72–83
19. Bryan C. J., Morrow C. E., Anestis M. D., Joiner T. E. A preliminary test of the interpersonal-psychological theory of suicidal behavior in a military sample // *Personality and Individual Differences*. — 2010. — Volume 48. — Iss. 3. — P. 347–350
20. Joiner T. E. Jr., Van Orden K. A., Witte T. K., Selby E. A., Ribeiro J. D., Lewis R., Rudd M. D. Main Predictions of the Interpersonal–Psychological Theory of Suicidal Behavior: Empirical Tests in Two Samples of Young Adults // *Journal of Abnormal Psychology*. — 2009. — Vol. 118. — Iss. 3. — P. 634–646
21. Selby E. A., Anestis M. D., Bender T. W., Ribeiro J. D., Nock M. K., Rudd M. D., Bryan C. J., Lim I. C., Baker M. T., Gutierrez P. M., Joiner T. E. Jr. Overcoming the fear of lethal injury: Evaluating suicidal behavior in the military through the lens of the Interpersonal–Psychological Theory of Suicide // *Clinical Psychology Review*. — 2010. — Vol. 30. — Iss. 3. — P. 298–307
22. Power K. G., Cook D. J., Brooks D. N. Life stress, medical lethality and suicidal intent // *Br J Psychiatry*. — 1985. — Vol. 147. — Iss. 2—P. 655–659
23. Nordentoft M., Branner J. Gender Differences in Suicidal Intent and Choice of Method Among Suicide Attempters // *Crisis: The Journal of Crisis Intervention and Suicide Prevention*. — 2008. — Vol. 29. — Iss. 4—P. 209–212
24. Sisask M., Kxlves K., Vdrnik A. Severity of Attempted Suicide as Measured by the Pierce Suicidal Intent Scale // *Crisis: The Journal of Crisis Intervention and Suicide Prevention*. — 2009. — Vol. 30. — Iss. 3. — P. 136–143
25. Beautrais A. L. Suicides and serious suicide attempts: two populations or one? // *Psychological medicine*. — 2001—№ 31. — P. 837–845
26. Hawton K., Fagg J. Suicide and other causes of death, following attempted suicide. *Br. J. Psychiatry* // 1988. — № 152—P. 359–366
27. Aish A. M., Wasserman D. Does Beck's Hopelessness Scale really measure several components? // *Psychol. Medicine*. — 2001. — Vol. 31. — P. 367–372.
28. Розанов В. А., Захаров С. Е., Жужуленко П. Г., Кривда Г. Ф. Данные мониторинга суицидальных попыток в г. Одессе за период 2001–2005 гг. *Социальная и киническая психиатрия* // 2009. — Т. 19. — Вып. 2. — С. 35–41.
29. Storch E. A., Roberti J. W., Roth D. A. Factor structure, concurrent validity, and internal consistency of the Beck Depression Inventory-Second Edition in a sample of college students // *Depression and anxiety*. — 2004. — Vol. 19. — Iss. 3. — P. 187–189
30. Chioqueta A. P., Stiles T. C. Suicide Risk in Outpatients with Specific Mood and Anxiety Disorders // *Crisis: The Journal of Crisis Intervention and Suicide Prevention*. — 2003. — Vol. 24. — Iss. 3. — P. 105–112
31. Atkinson J. M. An introduction to motivation. Princeton, NJ.: van Nostrand, 1964

32. Joiner T. E. Jr., Steer R. A., Brown G., Beck A. T., Pettit J. W., Rudd M. D. Worst-point suicidal plans: a dimension of suicidality predictive of past suicidal attempts and eventual death by suicide // *Behaviour Research and Therapy*. — 2003. — Vol.41. — Iss.12. — P.1469–1480
33. Csikszentmihalyi M., Massimini F. On the psychological selection of bio-cultural information // *New Ideas in psychology*. — 1985. — Iss.3. — P.115–138.
34. Csikszentmihalyi M. If we are so rich, why aren't we happy? // *The American Psychologist*. — 1999. — Vol.54. — Iss.3. — P.821–827
35. Nakamura J., Csikszentmihalyi M. The Concept of Flow. In Snyder, C. R. & Lopez, S. (Eds.). *Handbook of Positive Psychology*, (pp.89–105). Oxford University press, New York, 2005.
36. Hunter J., Csikszentmihalyi M. The positive psychology of interested adolescents // *Journal of youth and adolescence*. — 2003. — Vol.32. — Iss.1. — P.27–35.
37. Sato I. Boso-zoku: flow in Japanese motorcycle gangs. In Csikszentmihalyi M., Csikszentmihalyi I. S. *Optimal experience: Psychological studies of flow in consciousness* (pp.92–117). Cambridge, Cambridge University Press, 1988.
38. Delle Fave A., Bassi M., Massimini F. Quality of Experience and Risk Perception in High-Altitude Rock Climbing // *Journal of Applied Sport Psychology*. — 2003. — Iss.15. — P.82–98.
39. Эдвин С. Шнейдман. Душа самоубийцы: Пер с англ. — М.: Смысл, 2001. — 325 с.
40. Суицидология: Прошлое и настоящее: проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. — М.: Когито-Центр, 2001. — 569 с.
41. Beck A. T., Schuyler D., Herman I. Development of suicidal intent scales. In: Beck A. T., Resnik H. L., Lettieri A. J., editors. *The prediction of suicide*. Maryland: Charles Press, 1974

А. А. Мідько, В. А. Розанов, Д. Вассерман, Е. Вассерман, Т. Соколовський, В. В. Карака

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова

ФЕНОМЕН БЕЗНАДІЙНОСТІ І МОТИВАЦІЙНІ АСПЕКТИ САМОУШКОДЖУЮЧОЇ ПОВЕДІНКИ В ОСІБ, ЩО ЗРОБИЛИ СУЇЦИДНІ СПРОБИ

Резюме

Стаття присвячена дослідженню мотиваційних аспектів самоушкоджуючої поведінки («навмисності» суїцидальної спроби (СП)) у суїцидентів, які переживають феномен безнадії (ФБ). Оцінювалася можливість передбачення ступеня тяжкості суїцидальної спроби (ТСП) на основі показників, що відображають Міру Бажання Смерті (МЖС) суїцидента і суб'єктивну Оцінку Ймовірності Смерті (ОВС) СП. Регресійний аналіз показав можливість предикції ТСП тільки на основі показника ОВС в групі осіб, що не виявляють ФБ. У групі суїцидентів, що переживають ФБ, предикція ТСП на основі зазначених показників виявилася неможливою. Отримані результати обговорюються з позицій можливого пояснення природи предиктивних властивостей ФБ щодо різних форм суїцидальної поведінки.

Ключові слова: суїцидальна спроба, суїцид, тяжкість суїцидальної спроби, мотивація, навмисність, феномен безнадії.

**A. A. Midko, V. A. Rozanov, D. Vasserman, E. Vasserman, T. Sokolovskiy,
V. V. Karaka**

Odessa I. I. Mechnikov national university

**PHENOMENON OF HOPELESSNESS AND MOTIVATIONAL ASPECTS
OF SELF-INJURIOUS BEHAVIOR AT PERSONS, ACCOMPLISHING
SUICIDE ATTEMPT**

Summary

The aim of this article is investigate the motivational aspects of self-injurious behavior (suicidal «intention» of suicide attempts (SA)) in attempters experiencing the Hopelessness (H). The possibility of prediction of the Suicide Attempt Severity (SAS) based on indicators reflecting the Degree of Death Wish (DDW) and subjective Assessment of the Probability of Death (APD). Regression analysis showed that SSA can be predicted only on the basis of the variable DDW in the group of individuals without H. In the group of attempters with H prediction of SAS on the basis of these variables was not possible. The results are discussed from the standpoint of the possible explanations of the nature of predictive properties of H with respect to various forms of suicidal behavior

Key words: suicide attempt, suicide, suicide attempt severity, motivation, deliberately, the phenomenon of hopelessness.